

C. Wright Mills

**The
Sociological
Imagination**

New York
Oxford University Press

Чарльз Райт Миллс

**Социологическое
воображение**

Перевод с английского
кандидата социологических наук
О. А. Оберемко

Под общей редакцией и с предисловием
доктора философских наук, профессора Г. С. Батыгина

Москва
NOTA BENE
2001

ставительной демократии используются в интересах финансовой, военной и бюрократической олигархии, а на смену малому бизнесу приходит “новый средний класс” — менеджеры и профессионалы, зависящие от бюрократии. В 1958 г. Миллс опубликовал книгу “Причины третьей мировой войны”, в 1959-м — “Социологическое воображение”, в 1960-м — “Слушайте, янки”, в которой в ярких красках убеждал американцев в демократическом характере кубинской революции и доказывал необходимость сближения капитализма и социализма. В 1960 г. под редакцией Миллса вышла небольшая хрестоматия “Марксисты”, сыгравшая важную роль в пропаганде леворадикальной идеологии. В этой книге рассматриваются идеи Маркса, Троцкого, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, Хрущева, Че Гевары, и завершается она вопросом, адресованным Коммунистической партии Советского Союза: “Используются ли идеалы классического марксизма лишь в качестве идеологии для циничного прикрытия власти или они воспринимаются правящей элитой вполне серьезно как направление политики и цель, к которой действительно следует стремиться?”.

Книга “Социологическое воображение” многократно переиздавалась на английском языке и остается одной из классических работ по социологии. На русском языке книга издается впервые. Читая Миллса сегодня, в конце 1990-х годов, можно представить, будто он участник современных дискуссий. В книге есть удивительные прозрения. Например, он точно и ясно говорит о постмодерне, о котором ныне не пишет только ленивый. В то же время считать Миллса первым постмодернистом нет необходимости. Также нет нужды использовать идею “социологического воображения” для очередного опровержения эмпиризма. Миллс по преимуществу принадлежит американской социологии 1950-х годов. Вместе с тем, социальные структуры и человеческая деятельность, феноменологическое и реифицированное знание, социология и политика, призвание и судьба интеллектуалов — таковы “вечные темы” социологии, которые вряд ли могут компетентно обсуждаться без ссылок на работы Миллса. Поэтому “Социологическое воображение” лучше принимать *cum grano salis* и рассматривать как одну из книг, которые занимают достойное место в социологической библиотеке.

*Г. С. Батыгин,
доктор философских наук, профессор.*

1. Что нам обещает социология

В наши дни частная жизнь нередко представляется чередой ловушек. Люди чувствуют, что в повседневной жизни они не в состоянии справиться со своими бедами, и часто в этом абсолютно правы. Все то, о чем человек обычно знает непосредственно из опыта, все, что пытается делать, находится в пределах частной жизни; его представления и возможности ограничены узкими рамками работы, семьи, соседского окружения, за пределами которых за него действуют другие, а сам он остается простым зрителем. Но чем сильнее чувствуется, пусть даже смутно, приближение внешней угрозы со стороны чьих-то честолюбивых замыслов, тем сильнее становится ощущение западни.

За этим ощущением скрываются, казалось бы, независимые ни от чьей воли изменения, которые происходят в самой структуре обществ и охватывают целые континенты. Однако исторические факты суть еще и факты успехов и неудач отдельных людей. В период индустриализации общества крестьяне становятся рабочими, феодалы или теряют свое могущество, или превращаются в предпринимателей. Когда одни классы возникают, а другие сходят с исторической арены, люди получают работу, или оказываются не у дел; когда кривая инвестиций идет вверх или вниз, люди обретают новое дыхание или падают духом. Когда случаются войны, страховой агент получает в руки гранатомет, служащий магазина становится оператором радиолокационной установки; их жены живут без мужей, дети растут без отцов. Жизнь индивида и ход истории общества нельзя понять по отдельности, без постижения того и другого вместе.

Однако люди обычно не объясняют испытываемые ими трудности историческими событиями или институциональными противоречиями, они не связывают личное благополучие с подъемами

и кризисами в обществе. Редко отдавая себе отчет в существовании сложной связи между тем, как складывается их жизнь, и историческим процессом, простые люди обычно не знают, что от этой связи зависит и то, какими они станут завтра, и то, как будет делаться история, в которую они могли бы внести свою лепту. Большинство не обладает тем качеством ума, которое необходимо для осмысливания взаимосвязей между человеком и обществом, между биографией и историей, между отдельной личностью и целым миром. Люди не могут, стараясь улаживать свои личные неурядицы, контролировать стоящие за ними структурные трансформации.

Это и неудивительно. В какую еще эпоху столь значительные массы людей переживали невероятно стремительные и глубокие социальные потрясения? Если американцам неведомы катастрофические изменения, претерпеваемые людьми в других обществах, то этим они должны быть обязаны конкретным историческим обстоятельствам, которые очень быстро становятся "просто историей". Те или иные исторические события оказывают влияние на каждого человека. В течение жизни одного поколения Европа, вмещающая шестую часть человечества, бывшая некогда средоточием феодализма и отсталости, превратилась в развитую и грозную силу. С освобождением колоний от политической зависимости установились новые, завуалированные формы империализма. В мире постоянно происходят революции, ибо люди оказываются зажаты в тиски новых типов власти. Возникают тоталитарные общества, одни из которых вскоре разваливаются, другие достигают сказочных успехов. После двухсот лет победоносного шествия капитализм доказал, что только он способен превратить общество в промышленную машину. Однако по истечении двух веков радужных надежд даже формальной демократией пользуется ничтожно малая часть человечества. Повсюду в развивающихся странах старый жизненный уклад рушится, и ранее смутные чаяния оформляются в насущные требования. В развитых странах орудия власти и насилия становятся тотальными по проникновению во все сферы жизни общества и бюрократическими по форме. Само человечество предстает перед нами сверхнацией, которая концентрирует на своих полюсах наиболее организованные и мощные силы для подготовки третьей мировой войны.

Скорость, с которой ныне история обретает новые формы, опережает способность человека ориентироваться в мире в соответствии с подлинными ценностями. Да и о каких ценностях можно говорить? Даже не впадая в панику, люди часто понимают, что старое мышление и мироощущение терпят крах, а новые веяния сомнительны в моральном отношении. Надо ли удивляться тому, что простые люди чувствуют себя беспомощными, столь неожиданно оказавшись перед необходимостью непосредственно иметь дело с более широкими социальными контекстами? Они не могут понять ни смысла современной исторической эпохи, ни того, какое влияние она оказывает на их собственную жизнь. Стремясь сохранить свою индивидуальность, они становятся морально бесчувственными и каждый пытается замкнуться в своей частной жизни. Надо ли удивляться тому, что ими овладевает чувство безысходности?

Люди нуждаются не только в информации — ибо в "эпоху факта" информация настолько поглощает их внимание, что они не успевают ее усваивать. Люди нуждаются не только в навыках здравого мышления, несмотря на то, что усилия, затрачиваемые на их приобретение, нередко истощают и без того скудные духовные силы.

Они нуждаются, и чувствуют это — в особом качестве ума, которое поможет пользоваться информацией и развивать мышление, чтобы достичь ясного понимания того, что происходит как в мире, так и с ними самими. Я намерен утверждать — надежды на развитие такого качества ума журналисты и гуманитарии, артисты и публика, ученые и издатели начинают возлагать на то, что можно назвать социологическим воображением.

1

Тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей. Оно позволяет объяснять, как в бурном потоке повседневной жизни у людей часто формируется ложное сознание своих социальных позиций. В этом водовороте событий являет себя устройство современного общества, которое формирует психический склад людей. Также и личные трудности людей упираются в независимые от них проблемы, а равнодушие публики к отдельному индивиду проявляется в озабоченности лишь социально значимыми вопросами.

Первым результатом социологического воображения и первым уроком основанной на нем социальной науки является понимание того, что человек может постичь приобретенный жизненный опыт и выверить собственную судьбу только тогда, когда определит свое место в контексте данного времени, что он может узнать о своих жизненных шансах только тогда, когда поймет, каковы они у тех, кто находится в одинаковых с ним условиях. С одной стороны, это жуткий урок, с другой — замечательный. Нам неведомы пределы человеческих возможностей в стремлении к покорению высот и к добровольному падению, к страданию и ликованию, к упоению жестокостью и к наслаждению игрой разума. Но в настоящее время мы узнали, что границы “человеческой природы” пугающе широки, что каждый индивид от поколения к поколению проживает свою биографию в определенном обществе, в соответствующем историческом контексте. Самим фактом своего существования он вносит собственный, хотя и ничтожно малый, вклад в формирование общества, выбор направления его исторического развития, несмотря на то, что он сам является продуктом общества и конкретно-исторических общественных сил.

Социологическое воображение дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества. В этом заключается задача, которую можно выполнить с его помощью. Принятие на себя такой задачи и осознание ее перспектив — характерная черта классической общественной мысли. Эта черта присуща и напыщенно многословному и скрупулезному Герберту Спенсеру, и изящно, но бескомпромиссно вскрывавшему язвы общества Эдварду Россу, Огюсту Контю и Эмилю Дюркгейму, замысловатому и пронизательному Карлу Маннгейму. Ею отмечены все наиболее выдающиеся интеллектуальные достижения Карла Маркса, в ней источник блистательных ироничных прозрений Торстейна Веблена, многомерных конструкций реальности Йозефа Шумпетера, это основа психологической гибкости У. Лекки и, равным образом, необычайной глубины и ясности Макса Вебера. Эта черта присуща всем лучшим современным достижениям в области исследований человека и общества.

Ни одно социальное исследование, если оно не обращается к проблемам человеческой жизни, истории и их взаимодействию в

обществе, не может выполнить стоящие перед авторами задачи. Какие бы специальные вопросы ни затрагивали классики общественной мысли, сколь бы узкой или, напротив, широкой ни была картина изучаемой ими социальной реальности, всякий, кто ясно осознал перспективы своей работы, вновь и вновь ставит перед собой три группы вопросов.

1. Что представляет собой структура изучаемого общества в целом? Каковы ее основные элементы и взаимоотношения между ними? Чем структура изучаемого общества отличается от других типов социального порядка? Какую роль играют те или иные особенности данной структуры в процессе ее воспроизводства и изменения?

2. Какое место занимает данное общество в человеческой истории? Каковы механизмы его изменения? Каковы его место и роль в развитии всего человечества? Какое влияние оказывает тот или иной элемент структуры изучаемого общества на соответствующую историческую эпоху и что в этом элементе, в свою очередь, обусловлено исторически? В чем заключается сущность конкретной исторической эпохи? В чем ее отличие от других эпох? Каковы характерные для нее способы “делания” истории?

3. Какие социальные типы преобладают в данном обществе и какие будут преобладать? Какой отбор они проходят и как формируются, как обретают свободу или подвергаются угнетению, становятся восприимчивыми или безразличными? Какие типы “человеческой природы” раскрываются в социальном поведении и характере индивидов, живущих в определенном обществе в данную эпоху? И какое влияние оказывает на “человеческую природу” каждая конкретная особенность исследуемого общества?

Именно такого рода вопросы ставили перед собой лучшие представители общественной мысли независимо от того, являлись ли объектом интереса великое государство или узкое литературное течение, семья, тюрьма или религиозное движение. Подобные вопросы составляют интеллектуальный каркас классических исследований о поведении человека в обществе, их неизбежно задает каждый, кто обладает социологическим воображением. Ибо такое воображение дает возможность социологам переходить от одной перспективы к другой, от политической к психологической, от рассмотрения отдельной семьи к сравнительному изучению государ-

ственных бюджетов разных стран, от воскресной школы к армейскому подразделению, от обследования отдельного предприятия к изучению современной поэзии. Социологическое воображение позволяет перейти от исследования независимых от воли отдельного индивида общих исторических изменений к самым сокровенным свойствам человеческой личности, а также видеть связь между ними. Использовать эту возможность нас побуждает постоянное стремление понять социально-историческое значение человека в таком конкретном обществе, которое обеспечивает ему проявление своих человеческих качеств и самое существование.

Короче говоря, посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории общества. Самосознание современного человека, которому свойственно видеть себя по меньшей мере пришельцем, если не вечным странником, во многом обусловлено отчетливым представлением о социальной относительности и трансформирующей силе истории. Социологическое воображение является наиболее плодотворной формой такого самосознания. С его помощью у людей, чей кругозор ограничивается небогатым набором замкнутых траекторий движения, часто появляется неожиданное чувство, как будто они проснулись в доме, который до этого им лишь казался знакомым и родным. Верно это или нет, но они начинают понимать, что теперь они сами способны к правильным обобщениям, непроторечивым оценкам и взвешенным суждениям. Прежние решения, некогда казавшиеся весомыми, теперь представляются безрассудными и невежественными умствованиями. В людях вновь оживает способность удивляться. Они обретают новый способ мышления, производят переоценку ценностей, короче говоря, их мысли и чувства способствуют осознанию культурной значимости социальных наук.

2

Пожалуй, наиболее важно, что социологическое воображение дает возможность различить понятия “личные трудности, связанные с внешней средой” и “общественные проблемы, обусловленные социальной структурой”. Такой подход служит важнейшим фактором социологического воображения и отли-

чительной чертой всех классических работ в области социальных наук.

Личные трудности определяются характером индивида и его непосредственными отношениями с другими; они касаются его “я” и тех ограниченных областей жизни общества, с которыми он лично знаком. Соответственно, осознание и преодоление этих трудностей, строго говоря, не выходят за рамки компетенции индивида как носителя конкретной биографии, а также за рамки непосредственной сферы его жизнедеятельности, то есть того социального окружения, которое определяется его личным опытом и до некоторой степени доступного его сознательному воздействию. Трудности — это частное дело: они возникают, когда индивид чувствует, что ценности, которых он придерживается, находятся под угрозой.

Общественные проблемы обычно касаются отношений, которые выходят за пределы непосредственного окружения индивида и его внутренней жизни. Такой выход необходим на уровень институциональной организации множества индивидуальных сред жизнедеятельности, а далее на более широкую структуру социально-исторической общности, которая, как целое, складывается из многообразного переплетения и взаимопроникновения индивидуальных сред жизнедеятельности и общественно-исторической макроструктуры. *Общественные проблемы* — называются общественными потому, что при их возникновении под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества. Часто спорят о том, что же на самом деле представляют собой эти ценности и что именно им угрожает. Нередко спор оказывается беспредметным только потому, что, отличаясь по своей природе даже от самых распространенных личностных трудностей, общественные проблемы плохо поддаются определению в терминах непосредственного повседневного окружения простых людей. В действительности общественные проблемы часто связаны с кризисом институционального порядка, а также с тем, что марксисты называют “противоречиями” или “антагонизмами”.

Рассмотрим с этой точки зрения безработицу. Когда в городе со стотысячным населением только один человек не имеет работы — это его личная проблема, для решения которой следует обратить внимание на характер, способности и непосредственные возмож-

ности данной личности. Но когда нация, обладающая пятидесяти-миллионным трудоспособным населением, насчитывает пятнадцать миллионов безработных — это уже общественная проблема, и в этом случае мы не можем надеяться на ее решение в сфере возможностей, доступных каждому безработному в отдельности. Нарушена сама структура возможностей. Чтобы правильно сформулировать проблему и определить уровень ее возможных решений, надо принимать во внимание экономические и политические институты общества, а не только личные ситуации и особенности характера отдельно взятых индивидов.

Рассмотрим войну. Во время войны личные проблемы связаны с тем, что каждый решает, как выжить или героически погибнуть, или сделать на ней деньги, или занять тепленькое и безопасное местечко в аппарате военного управления или содействовать завершению войны. Короче говоря, в соответствии со своей шкалой ценностей люди вписываются в особую конфигурацию индивидуальных сред обитания, чтобы там пережить войну или придать смысл своей смерти. Но для решения структурных проблем войны требуется выявление ее причин, изучение того, как и какого рода люди выдвигаются на командные посты, каково ее влияние на экономические, политические, семейные и религиозные институты, а также исследование международных отношений, в которых царят неорганизованность и безответственность.

Рассмотрим семью. Состоя в браке, мужчина и женщина могут испытывать личные трудности, но если за первые четыре года совместной жизни на каждую 1000 браков в среднем приходится 250 разводов, то это является индикатором структурной проблемы, решение которой коренится в самих институтах брака, семьи и других опирающихся на них социальных установлениях.

Или возьмем метрополис — жуткий и прекрасный, безобразный и великолепный большой город-спрут. Для многих представителей высшего класса личное решение “проблемы города” заключается в том, чтобы в самом сердце метрополиса иметь квартиру в доме с подземным гаражом, а за сорок миль от города — дом, построенный по проекту Генри Хилла, сад в стиле Гаррета Экбо*.

* Г. Хилл и Г. Экбо — известные американские архитекторы и дизайнеры. — *Прим. ред.*

разбитый на сотне акров собственной земли. Внутри этих двух сред обитания, контролируемых владельцами с помощью небольшого персонала и обслуживаемых собственным вертолетом, многие люди могли бы решить массу личных проблем, обусловленных “фактами” города. Однако сколь бы замечательным ни было это решение, оно отнюдь не снимает общественные проблемы, которые порождены городом как структурным фактом. Как следует преобразовывать это удивительное чудовищное создание? Разбить его на отдельные части, совместив место жительства с местом работы? Провести косметические улучшения, ничего не меняя по существу? Или эвакуировав население, взорвать старые города и выстроить новые на новом месте по новому плану? Каким должен быть этот план? И кому делать выбор, принимать решение и воплощать его в жизнь? Это проблемы структурного характера; при их постановке и решении нам нужно учитывать политические и экономические последствия, которые отразятся на несчетном количестве индивидуальных сред жизнедеятельности.

Пока экономика устроена так, что в ней происходят сбои, проблема безработицы не может иметь личностного решения. До тех пор, пока война будет неизбежным спутником системы национальных государств и неравномерного промышленного развития стран мира, простой человек в своей ограниченной индивидуальной среде жизнедеятельности — с психиатрической помощью или без нее — будет бессилён устранить трудности, которые эта система (или отсутствие системы) ему навязывает. До тех пор пока семья как социальный институт превращает женщин в милых рабынь, а мужей — в их повелителей или беспомощных иждивенцев, проблема брака не может быть удовлетворительно решена исключительно частным образом. До тех пор пока сверхразвитые мегаполисы со своими суперсовременными автомобилями будут составлять неотъемлемую часть самого развитого общества, проблемы городской жизни не разрешатся ни с помощью личной одаренности, ни благодаря частному достатку.

Как отмечалось выше, то, что мы переживаем в своих индивидуальных средах деятельности, часто вызвано структурными изменениями в обществе. Поэтому, чтобы понять изменения, происходящие в отдельных индивидуальных “ячейках”, необходимо выйти за их пределы. Тем более что количество и разнообразие

структурных изменений растет, поскольку институты, внутри которых мы живем, все шире распространяют свое влияние и связь между ними становится все более тесной. Осознать идею социальной структуры и научиться адекватно применять ее — значит получить возможность проследить связи внутри величайшего многообразия индивидуальных сред жизнедеятельности. Уметь это делать — значит обладать социологическим воображением.

3

Каковы же главные проблемы нашего общества и какие основные трудности испытывают индивиды? Чтобы определить и те и другие, мы должны, исходя из характеристики основных тенденций современной эпохи, ответить на вопрос, какие ценности разделяются людьми, но находятся под угрозой, а какие сохраняются и поддерживаются. В обоих случаях необходимо выяснить, какие структурные противоречия могут скрываться за этими процессами.

Когда люди придерживаются неких ценностей и не чувствуют, что им что-либо угрожает, они находятся в состоянии *благополучия*. Когда люди разделяют определенные ценности, но чувствуют, что им угрожает опасность, они переживают кризис: либо как личные затруднения, либо как общественную проблему. А если людям кажется, что все ценности, которым они привержены, находятся под угрозой, их может охватить паника.

Но представим себе людей, которые не имеют ни одной общей ценности и не чувствуют никакой угрозы. Это состояние *индифферентности*, которое, распространившись на все их ценности, влечет за собой апатию. Представим, наконец, ситуацию, характеризующуюся отсутствием общих ценностей при остром осознании угрозы. Это состояние *тревоги*, беспокойства, которое, достигнув определенного порога, превращается в нераспознанную смертельную болезнь.

Мы как раз и переживаем время безразличия и тревоги, еще не оформившейся настолько, чтобы дать соответствующую работу разуму и свободу чувствам. Вместо того, чтобы определить наши беды в терминах ценностей и угрожающих им опасностей, мы часто лишь страдаем от смутной тревоги; нет четко сформулированных социальных проблем и на душе неспокойно от того, что все кругом как-то не так. А раз мы не осознаем, что нам дорого, и

что именно угрожает нашим ценностям, не может быть и речи о принятии каких-то конкретных решений. Еще меньше оснований говорить о постановке проблем перед социальной наукой.

В тридцатые годы, за исключением находящихся в плену иллюзий определенных деловых кругов, мало кто сомневался в существовании экономических проблем, благодаря которым возникали личные трудности. Среди рассуждений о “кризисе капитализма” формулировки Маркса и его многочисленных непризнанных последователей, пожалуй, содержали наиболее верную трактовку этих проблем, и некоторые люди стали представлять свои личные трудности в марксистской терминологии. Стало ясно, что разделявшиеся всеми ценности оказались под угрозой структурных противоречий, которые также представлялись очевидными. И то и другое глубоко переживалось многими. Это вызывало политические действия.

Однако в послевоенную эпоху оказавшиеся под угрозой ценности многие перестали рассматривать как ценности и ощущать грозящую им опасность. Разнообразные личные тревоги почти не получали резонанса; социальные болезни и решения важных вопросов, имевших огромное значение для структуры общественных отношений, так и не становились предметом обсуждения широкой общественности. Для тех, кто по-прежнему признавал унаследованные от прошлого интеллектуальные ценности и свободу, сама тревога была личной, а безразличие — общественной проблемой. Состояние тревоги и безразличия стало отличительной чертой нашей эпохи.

Все это настолько поразительно, что исследователи часто говорят о принципиальном изменении характера проблем, нуждающихся в артикуляции. Мы постоянно слышим, что решение ключевых проблем нашей эпохи переместилось из внешней среды экономики и теперь связано с качеством жизни отдельного индивида, то есть с вопросом о том, как скоро наступит время, наиболее благоприятное для индивидуального развития личности. Не детский труд, а проблема комиксов, не бедность, а проблема массового досуга находятся теперь в центре внимания. Нередко кажется, что многие крупные общественные проблемы вместе с частными описываются как “психиатрические” вследствие трогательного желания социологов избавиться от обсуждения коренных проблем

современного общества. Часто кажется, что такая постановка вопроса основывается на провинциальной ограниченности интереса истеблишмента исключительно к западному обществу или даже только к Соединенным Штатам. В этом случае игнорируется не только две трети человечества, но нередко произвольно отделяется жизнь индивида от институтов, в рамках которых она протекает, и которые иногда оставляют в ней более глубокий след, чем то непосредственное социальное окружение, в котором проходит детство человека.

Проблемы досуга, например, даже обсуждать не имеет смысла без рассмотрения проблем труда. Без учета бедственного положения, в котором очутилась семья по отношению к новейшим социальным институтам, невозможно проблематизировать беспокойство родителей о влиянии комиксов на детей. Ни досуг, ни его вредные формы нельзя понять как проблему, не учитывая, насколько социальные болезни и безразличие влияют на отношения между людьми и на климат современного американского общества в целом. В этом климате нельзя ни поставить, ни решить ни одной проблемы “частной жизни” без признания кризиса ценностей, охватившего трудовую деятельность людей в условиях экономической экспансии корпораций.

Верно, как об этом без устали говорят психоаналитики, что люди нередко испытывают “растущее ощущение, будто ими движут скрытые внутри них силы, которые они не способны определить”. Но неверно утверждать, как это делает Эрнст Джонс, что “самый опасный враг человека — это его неуправляемая природа и загнанные внутрь темные силы”. Напротив, “главная опасность для человека” кроется в неуправляемости сил современного общества с его порождающими отчуждение способами производства, тотальными методами политического господства, анархией в международных отношениях — одним словом, с глубокой трансформацией самой природы человека, условий его существования и жизненных целей.

В настоящее время первостепенная политическая и интеллектуальная задача обществоведа — в данном случае обе задачи совпадают — прояснить элементарные основания сегодняшних тревог людей и безразличия общества. Это главное требование, которое ставят перед ним другие работники сферы культуры — физики и

лирики, интеллектуальное сообщество в целом. Думаю, что эти задачи делают социальные науки общим знаменателем нашей культурной эпохи, а социологическое воображение — самым необходимым сегодня качеством интеллекта.

4

В каждую интеллектуальную эпоху какой-то один стиль мышления стремится определять культурную жизнь. Правда, в наши дни определенные интеллектуальные увлечения ненадолго овладевают умами широкой публики, чтобы через год-два смениться новыми. Подобная восторженность может добавить живости культурным забавам, но едва ли способна оставить сколь-нибудь заметный след в духовной жизни общества, чего нельзя сказать о таких способах мышления, как “ньютоновская физика” или “дарвиновская биология”. Каждый из этих интеллектуальных универсумов приобрел влияние, далеко выходящее за рамки узкой сферы идей и представлений. Пользуясь их языком, или производными от него, безвестные исследователи и модные комментаторы открывали новые перспективы, по-новому формулировали интересующие их проблемы.

На протяжении Нового времени физика и биология стали главным общим знаменателем и для серьезных размышлений, и для популярной метафизики в западных обществах. Метод лабораторного эксперимента стал общепринятой процедурой и критерием надежности интеллекта. В этом заключается идея общего интеллектуального знаменателя: в терминах эксперимента можно отстаивать свои самые сильные убеждения; рассуждения в иной терминологии и иных стилях мышления кажутся просто уходом от обсуждения и невежеством.

Разумеется, преобладание какого-то одного общего интеллектуального знаменателя не отрицает существование других стилей мышления и способов восприятия. Просто с его помощью общие интеллектуальные задачи могут быть наиболее четко формулированы и осмыслены, что если и не приведет к решению какой-либо проблемы, то по крайней мере укажет перспективный путь его поиска.

Думаю, что социологическое воображение становится главным общим знаменателем нашей культурной жизни и ее отличи-

тельным признаком. Это качество мышления, хотя и обнаруживается в социальных и психологических науках, выходит далеко за пределы этих дисциплин. Отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто наощупь; многие обществоведы лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что применение такого воображения является основным условием для наилучшего выполнения той работы, которую они могли бы делать; что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин.

В то же время присущие социологическому воображению качества как в моральном плане, так и в отношении познания фактов социальной действительности регулярно востребуются в литературной работе и для политического анализа. Эти качества трансформируются самыми разнообразными способами, став основными свойствами интеллектуальной деятельности и интерпретации процессов в области культуры. Ведущие литературные критики наряду с серьезными журналистами являют примеры этого, когда оценивают работу и тех и других. Популярная критика — как высокая, так и среднего и низкого ранга — во всяком случае сейчас, в одинаковой мере использует социологические и эстетические категории. Писатели-романисты, чьи серьезные книги воплощают наиболее распространенные концепции человеческой реальности, обычно обладают социологическим воображением и способствуют его распространению. С его помощью многие пытаются понять настоящее в контексте истории. Как только начинает осознаваться противоречивость представлений о “человеческой природе”, возрастает потребность в творческом и более пристальном взгляде на рутинный социальный порядок и те катастрофические перемены, которые в наше время общественных волнений и идеологических конфликтов обнажают (и формируют) природу человека. Хотя мода обнаруживается в стремлении ей следовать, социологическое воображение не просто дань моде. Это особое качество мышления и интеллекта, которое, вероятно, обеспечивает наиболее наглядное представление о самых сокровенных областях нашего бытия в их связи с более широкой социальной действительностью. Это не просто одно из выработанных культурой свойств современного ра-

зума. Это именно *то* свойство, более широкое и искусное применение которого открывает возможность всем остальным качествам и фактически самому человеческому разуму играть более важную роль в жизни людей.

Культурное значение физики, старейшего общего знаменателя, все больше ставится под сомнение. Многие приходят к мысли, что физическая наука как стиль интеллектуальной деятельности в чем-то становится неадекватной. Издавна адекватность научного стиля мышления, чувствования, воображения и восприятия была предметом религиозных сомнений и теологических споров. Но наши ученые отцы и прадеды перебороли подобные религиозные представления. Сегодняшние сомнения — светские и гуманистические — часто затуманивают суть дела. Развитие физики в последние десятилетия, высшим технологическим достижением которой стало создание водородной бомбы и средств ее доставки в любую точку планеты, едва ли воспринимается как решение проблем, над которыми ломали головы поколения интеллектуалов и деятелей культуры. В этих достижениях справедливо видят результат узкоспециальных исследований, по недоразумению вызвавших у некоторых восхищение. Они не только не решили имеющихся глобальных проблем, но поставили еще больше новых, как интеллектуальных, так и моральных, почти целиком относящихся к социальной сфере, а не к естествознанию. Живущие в развитых странах люди понимают, что овладение природой, преодоление голода, холода и нищеты фактически осуществлены, и сейчас среди них крепнет убеждение, что наука, как основное средство овладения природой, утратила ориентиры, определенность целей и нуждается в переоценке.

Характерная для современности уважительная оценка науки долгое время ей только приписывалась, теперь же связанные с ней дух технологизма и инженерное воображение внушают скорее сомнение и страх, чем надежду на прогресс. Разумеется, наука не сводится к технике, но есть опасение, что она может целиком замкнуться на ней. Ощущаемая потребность произвести переоценку физики как науки отражает потребность в новом общекультурном знаменателе. Комплексной переоценке подвергается значение науки для человека, ее социальная роль, военное и коммерческое применение, политическая значимость. Научные достижения в об-

ласти ядерных вооружений могут привести к “необходимости” мирового политического переустройства, но такая “необходимость” не может быть реализована именно физикой.

Многое из того, что выдавалось за “науку”, теперь кажется сомнительным философствованием; во многом, что считалось “реальной наукой”, сейчас видят лишь отражение беспорядочных фрагментов реальности, среди которых живут люди. Широко распространено мнение, что люди науки больше не стремятся дать целостную картину реальности или выявить истинное предназначение судьбы человечества. Более того, многим наука представляется не столько творчеством и познанием мира, сколько гигантской машиной, управляемой экономистами и военными, приводимой в действие механиками, которые не только не воплощают науку как особый этос и способ постижения мира, но и не считают ее таковой. В то же время философы, выступающие от имени науки, часто превращают ее в “сциентизм”, отождествляя ее опыт с человеческим опытом, и доказывая, что только с помощью научного метода можно решить жизненные проблемы. Учитывая это, многие деятели культуры начинают считать “науку” ложным и претенциозным мессией или по крайней мере весьма сомнительным элементом современной цивилизации.

Но, говоря словами Ч. П. Сноу, существуют “две культуры”: научная и гуманистическая. Будь то история, драма, жизнеописание, поэзия или беллетристика, сущностью гуманистической культуры была и остается литература. Однако сегодня распространяется мнение, будто серьезная литература во многих отношениях стала второстепенным видом искусства. Если это и верно, то причина заключается не только в появлении массового потребителя культуры, укреплении средств массовых коммуникаций и всего того, что оказывает влияние на производство серьезной литературы. Причину следует искать в исторических особенностях нашего времени, а также в громадной потребности мыслящих людей постичь эти особенности.

Какая книга, статья или картина сравнится с исторической реальностью и фактами современной политической жизни? Может ли изображение ада вселить больший страх, чем эпизоды войн XX века? Какие обличения в безнравственности соизмеримы с моральным бесчувствием людей, осуществляющих первоначальное

накопление капитала? Люди стремятся познать социальную и историческую реальность, но часто не находят в современной литературе адекватных инструментов познания. Они жаждут фактов, ищут их смысл, хотят иметь достоверную “широкую панораму” происходящего, на фоне которой можно понять самих себя. Они также готовы получить ценностные ориентиры, соответствующее мироощущение, эмоциональный настрой и готовые выражения для объяснения своих поступков. Но отыскать все это в современной литературе непросто. Важно не то, *можно* ли найти в литературе ответы на волнующие многих вопросы, а то, что люди часто их не находят.

В прошлом литераторы выступали в качестве критиков и историков, писали очерки об Англии, рассказывали о путешествиях в Америку. Они пытались охарактеризовать те или иные общества в целом, раскрыть их нравственный смысл. Живи А. де Токвиль или И. Тэн в наше время, стали ли бы они социологами? Задавая подобный вопрос о Тэне, обозреватель лондонской газеты “Таймс” делает вывод: “Тэн всегда смотрел на человека прежде всего как на социальное животное, а на общество — как на скопление групп людей: он мог подмечать мельчайшие детали, был неутомимым наблюдателем и обладал качеством... особенно ценным для понимания связи между социальными феноменами, — гибкостью мышления. Он слишком интересовался настоящим, чтобы быть историком, был слишком теоретичным, чтобы пробовать себя в качестве писателя, и придавал слишком большое значение литературным произведениям как культурным документам эпохи или страны, чтобы добиваться славы критика... Его труд об английской литературе, посвященный не столько самой литературе, сколько морали английского общества, стал выразителем его позитивизма. Он прежде всего социальный теоретик”¹.

То, что Тэн остался “литератором”, а не обществоведом, пожалуй, свидетельствует об одержимости социальной науки XIX века кропотливым поиском “законов”, в определенной степени сравнимых с теми, которые, как полагали тогда, уже найдены естествоиспытателями. В обществе, не имеющем адекватной социальной науки, критики и писатели, драматурги и поэты становятся глав-

¹ См. Times Literary Supplement. 1957. 15 November.

ными, если не единственными, выразителями не только личных, но и общественных тревог. Именно искусство часто отображает подобные чувства и фокусируется на них — в лучших своих образцах ярко и образно, однако без той интеллектуальной ясности, какая необходима для понимания их причин и способов смягчения. Искусство не формирует и не может влиять на чувства так, чтобы личные и общественные проблемы представляли в виде задачи, которую люди должны немедленно решать, если хотят преодолеть тревогу и безразличие вместе с таящимися за ними бедами. На самом деле художник редко пытается это сделать. Более того, серьезный художник мучается сам и вправе рассчитывать на некоторую интеллектуальную и культурную помощь со стороны социальных наук, обогащенных социологическим воображением.

5

В своей книге я намерен раскрыть значение социальных наук для решения стоящих в наше время задач развития культуры. Я бы хотел подробно рассмотреть преимущества, которые сулит нам распространение социологического воображения, показать, какие следствия оно может иметь в политической и культурной жизни, и, может быть, подсказать, что требуется для его использования. Чтобы осуществить поставленные задачи, я должен прояснить природу социальных наук, показать, как они применяются в наши дни и дать краткую характеристику их современного состояния в Соединенных Штатах¹.

¹ Здесь нужно заметить, что слово “обществоведение” (“the social studies”) для меня более предпочтительно, чем “социальные науки” (“social sciences”), и не потому, что я не люблю ученых-естественников (напротив, они мне очень импонируют), а потому, что слово “наука” приобрело огромный престиж и весьма неопределенное значение. Мне не хотелось бы покушаться на завоеванный ею престиж или еще более размыывать значение слова “наука”, употребляя его как философскую метафору. Но я подозреваю, что если бы я писал об “обществоведении”, читатель мог бы подумать, что я имею в виду только чиновников высшей школы, ассоциации с которыми из всего того, что составляет систему обучения, мне бы хотелось избежать. Употреблять сочетание “поведенческие науки” просто невозможно, ибо оно было изобретено, я полагаю, как пропагандистский инструмент для выколачивания денег на социальные исследования из руководителей фондов и

Разумеется, в любой момент исторического развития “социальные науки” впитывают результаты деятельности тех, кого по праву считают обществоведами. Однако это не означает, что все они занимаются одним и тем же. На самом деле эти ученые исследуют совершенно разные предметы. Кроме того, социальные науки включают в свой оборот и то, что сделали обществоведы прошлого, хотя свои построения они основывали на разных традициях. Надеюсь, ясно, что рассуждая о том, “что обе-

конгрессменов, которые путали “социальные науки” с “социализмом”. Наиболее подходящее определение должно включать историю (и психологию — в той мере, в какой она имеет отношение к человеческим существам) и иметь максимально недискуссионное содержание, поскольку мы должны, рассуждая, *использовать* термины, а не бороться за них. Пожалуй, термин “гуманитарные дисциплины” мог бы удовлетворить этому требованию. Я все же надеюсь, что не введу своих читателей в заблуждение, если буду использовать общепринятый стандартный термин “социальные науки”.

И еще одно замечание. Я надеюсь, что мои коллеги благожелательно примут термин “социологическое воображение”. Политологи, прочтя эту рукопись, говорили о “политическом воображении”, антропологи — об “антропологическом” и так далее. Термин, вынесенный в название книги, менее значим, чем идея, которая, надеюсь, прояснится в ходе изложения. Применяя его, я, конечно, не свожу социологию только к учебной дисциплине. О многом из того, что я вкладываю в это понятие, писали отнюдь не социологи. В Англии, например, социология как учебная дисциплина по сей день занимает несколько маргинальное положение, в то время как в английской журналистике, художественной литературе и прежде всего в исторической науке социологическое воображение получило мощное развитие. Сходная ситуация во Франции. Отсутствие междисциплинарных границ и смелость французской послевоенной мысли проистекают из внимания последней к социологическим параметрам человеческой судьбы в наше время. Тем не менее я использую понятие “социологическое воображение” потому, что, во-первых, всякий кулик свое болото хвалит, а я, к добру или к худу, — социолог; во-вторых, я искренне полагаю, что на протяжении истории общественное сознание с большим постоянством и живостью выражалось социологами-классиками, чем представителями других социальных наук; в-третьих, поскольку я собираюсь критически рассмотреть некоторые социологические школы, для обозначения своей позиции мне необходим некий термин, на котором я мог бы основывать свои аргументы.

щают нам социальные науки”, я руководствуюсь собственными представлениями.

Ныне среди обществоведов широко распространена озабоченность, как интеллектуального, так и морального плана, вызванная неуверенностью в том, в правильном ли направлении ведутся исследования. Думаю, эта озабоченность, усугубляемая другими неблагоприятными тенденциями, проистекает из общего болезненного состояния современной интеллектуальной жизни. Вместе с тем, эта озабоченность наиболее остро ощущается именно обществоведами ввиду еще недавно ожидавшейся от них существенной отдачи и самой природой исследуемого предмета и настоятельной необходимостью что-либо сделать для решения актуальных проблем сегодняшнего дня.

Не все разделяют это беспокойство, но сам факт, что его многие игнорируют, порождает еще большее беспокойство людей, у которых хватает честности признать претенциозную посредственность большинства предпринимаемых ныне усилий. Я искренне надеюсь стимулировать эту озабоченность, вскрыть некоторые ее источники, постараться обратить ее в специфическую настоящую потребность реализовать возлагаемые на социальные науки надежды, прояснить основания для новых начинаний, короче говоря, указать некоторые очередные задачи и доступные средства выполнения той работы, которую необходимо сделать в настоящее время.

Нельзя сказать, что концепция общественной науки, которой я придерживаюсь, переживает подъем. Моя позиция противостоит взгляду на общественную науку как на набор бюрократических процедур, которые опутали социальное познание своими “методологическими” претензиями, переполняют его схоластическими концепциями и опощляют мелкотемьем, не имеющим отношения к общественно значимым проблемам. Эти пути, схоластичность и пошлость ввели обществоведение в кризисное состояние и не содержат даже намека на пути выхода из него.

Одни ученые ратуют за организацию “узкопрофильных исследовательских команд”, другие — за приоритет исследователей-одиночек. Одни затрачивают массу энергии на усовершенствование исследовательских методов и процедур, другие думают о необходимости реабилитировать старых мэтров с их забытыми способами гуманитарных исследований. Одни следуют в своей работе

жесткому набору механических процедур, другие стремятся развить и использовать социологическое воображение. Одни, заравнившись крайним формализмом чистой теории, разлагают и синтезируют понятия в такой манере, которая другим кажется чудачеством, а те, в свою очередь, берутся за разработку терминов только тогда, когда ясно видят, что они расширят границы познания и осмысления предмета исследования. Одни ограничиваются изучением мелкомасштабных сфер социальной жизни в надежде на “восхождение” к более крупным структурам, другие тщательно изучают социальные структуры, в которых пытаются “разместить” мельчайшие сферы человеческой жизнедеятельности. Одни, пренебрегая сравнительными исследованиями, занимаются синхронным изучением какой-либо одной общности в конкретной стране, другие, целиком следуя сравнительному методу, непосредственно изучают социальные структуры разных стран мира. Одни ограничиваются скрупулезным установлением связи между сиюминутными событиями, другие занимаются проблемами, которые, возможно, дадут о себе знать лишь в отдаленной исторической перспективе. Одни организуют свою работу строго в соответствии с делением на учебные факультеты, другие, черпая сведения из всех отраслей, специализируются на определенной теме или проблеме, нисколько не заботясь о том, к компетенции какой академической дисциплины относятся их работы. Одни сопоставляют многообразные факты истории, личных биографий и целых обществ, другие этого не делают.

Эти и многие другие контрасты предпочтений могут не исключать друг друга, хотя в пылу кулуарных баталий и ленивой неуязвимости специализаций их нередко принимают за подлинные противоположности. Здесь я даю лишь предварительные формулировки и намерен вернуться к ним в конце книги. К тому времени я надеюсь обнаружить собственные предпочтения и предубеждения, ибо полагаю, что критику нужно выражать открыто. Но, несмотря на свое особое мнение, я попытаюсь установить культурное и политическое значение общественной науки. Мои пристрастия являются, разумеется, такими же субъективными, как и те, которые я собираюсь критиковать. Пусть тот, кто не разделяет моих пристрастий, отвергнет их и таким образом выразит и признает свои собственные столь же вразумительно, как это намерен

сделать я. Тем самым моральный аспект обществоведения — общественная значимость социальных наук — получит свое признание, что даст возможность для его обсуждения. Это будет способствовать повышению самосознания, которое является необходимым предварительным условием объективности общественной науки как научной дисциплины.

Короче говоря, я считаю, что классический социальный анализ составляет определенный комплекс традиций, которые могут быть осмыслены и использованы, а его существенной особенностью является связь с конкретно-историческими социальными структурами. Исследуемые с его помощью явления имеют прямое отношение к требующим безотлагательного решения проблемам общества и человека. Кроме того, я считаю, что, несмотря на наличие серьезных препятствий на пути развития этой традиции как в самих социальных науках, так и в соответствующих образовательных и политических установлениях, определенные качества интеллекта, конституирующие ее, постепенно становятся общим знаменателем культурной жизни в целом и что потребность в них, пусть еще смутно и через обманчивую многоликость, начинает осознаваться.

Многие из тех, кто работает в области общественных наук, особенно в Америке, к моему удивлению, отказываются принимать брошенный им вызов. Одни фактически отрекаются от выполнения присущих социальному анализу интеллектуальных и политических задач; другие без тени сомнения просто не готовы к той роли, для которой они предназначены. Иногда кажется, что они едва ли не сознательно прикрываются старыми уловками и выдумывают новые отговорки. И все же, несмотря на отказ, внимание интеллектуалов и широкой общественности сейчас столь явно обращено к многообразию социальных миров, которое они изучают, что нельзя не согласиться с тем, что перед ними возникла уникальная возможность новых открытий. В реализации этой возможности раскрывается интеллектуальное предназначение социальных наук, культурное значение социологического воображения и политическое значение общество- и человековедения.

6

Мне, как социологу, довольно неловко осознавать, что все печально известные интеллектуальные направления (возможно, за

исключением одного), которые я собираюсь критически рассмотреть в следующих главах, принято относить к “области социологии”, хотя скрытое в них отречение от политических и культурных задач безусловно присуще и каждодневной научной деятельности представителей других социальных наук. Как бы ни обстояло дело в политологии и антропологии, исторической и экономической науках, очевидно, что в Соединенных Штатах именно то, что понимается под социологией, стало сегодня центром осмысления социальных наук. Именно социологи усиленно разрабатывают методы исследования и именно они обнаруживают живейший интерес к “общей теории”. Поистине замечательно разнообразие интеллектуальных направлений, внесших свой вклад в развитие социологической традиции. Интерпретировать это разнообразие как единую традицию само по себе дерзость. Многие, наверно, согласятся, что все, чем занимаются сегодня социологи, более или менее укладывается в одно из трех направлений, искажение каждого из которых заводит в тупик.

Первое направление ведет к теоретическому осмыслению истории. У О. Конта, например, как и у К. Маркса и М. Вебера, социология представляет собой попытку энциклопедически охватить всю целостность общественной жизни человека. В то же время она является исторической и систематической дисциплиной: исторической, поскольку изучает и использует факты прошлого, а систематической, потому что, занимаясь историей, пытается выделить “стадии” исторического процесса и повторяющиеся явления социальной жизни.

Теорию исторического процесса легко превратить в транс-историческое прокрустово ложе для многообразия фактов человеческой истории, из которого рождаются пророчества (обычно мрачные) относительно будущего. Сочинения Арнольда Тойнби и Освальда Шпенглера — хорошо известные тому примеры.

Направление второе ведет к систематической теории “природы человека и общества”. Например, начиная с трудов формалистов, в частности Г. Зиммеля и Л. фон Визе, в социологии стали разрабатываться концепции, с помощью которых можно было бы классифицировать все социальные отношения и проникать в существо их предполагаемых инвариантных свойств. Короче говоря, этому направлению на высоком уровне обобщения свойственно

статичное и абстрактное представление о компонентах социальной структуры.

В этом случае отказ от истории можно рассматривать как реакцию на искажения, допущенные первым направлением, однако систематическая теория о сущности человека и общества также легко может превратиться в доведенный до совершенства бесплодный формализм, где основное внимание уделяется умножению понятий и бесконечному манипулированию ими. У сторонников этого направления, которое я буду называть “Высокой теорией”, понятия по существу заменяют действительность. Работы Толкотта Парсонса — наиболее характерный пример систематической теории в современной американской социологии.

Направление третье — эмпирические исследования социальных фактов и проблем. Несмотря на то, что примерно до 1914 г. столпами американской социальной науки оставались О. Конт и Г. Спенсер, а также на сильное влияние немецкой теоретической традиции, в Соединенных Штатах очень рано ведущее положение заняли эмпирические исследования. Отчасти это явилось результатом более ранней академической институционализации экономики и политической науки. При этом социология, которой отводилось изучение особой сферы общества, среди социальных наук быстро превратилась в своего рода разнорабочего, взяв на себя всевозможные исследования, за которые не брались представители “солидных” дисциплин: исследования города и семьи, расовых и этнических отношений и, конечно, “малых групп”. Как мы увидим впоследствии, получившаяся в результате смесь преобразовалась в своеобразный стиль мышления, который я буду называть “либеральным практицизмом”.

Изучение современного положения дел легко может обернуться нагромождением не связанных между собой и часто малозначимых фактов о локальных сферах человеческой деятельности. Это доказывают многие разработанные в Америке учебные курсы по социологии, но, пожалуй, наилучшим примером могут служить учебные пособия по проблемам социальной дезорганизации. В то же время, социологи хотят быть специалистами по методике исследования едва ли не всего, что происходит в обществе, и именно они подняли разработку методов на уровень методологии. Многие работы Джорджа Ландберга, Сэмюэля Стауффера, Стьюарта Додда,

Пола Лазарфельда являются примерами этого направления. Склонность заниматься мелочами и культивирование метода ради самого метода хорошо совмещаются, хотя и не всегда идут рука об руку.

Особенности современного состояния социологии можно трактовать как результат искажения одного или нескольких из перечисленных традиционных направлений. Однако и то, что на социологические исследования возлагаются большие надежды, также находит объяснение в русле названных направлений. В настоящее время в Соединенных Штатах происходит нечто вроде эллинистического соединения разнородных элементов и целевых установок, взятых из социологий различных западных обществ. Если от такого изобилия социологических подходов представители других общественных наук начнут проявлять нетерпение, а социологи в ответ постараются всюду поспеть со своими “исследованиями”, то они рискуют выпустить из рук бесценное наследие прошлых поколений. Однако такое положение дел включает в себе и определенные возможности, поскольку в социологической традиции наилучшим образом представлена перспектива дальнейшего развития социальных наук в целом и некоторых уже имеющихся достижений. Невозможно в нескольких словах описать все, что может дать изучение традиционных направлений социологии, но любой ученый, взявший на вооружение накопленные знания, будет щедро вознагражден. Овладение этими знаниями поможет открыть новые ориентиры для конкретной работы на ниве социальных наук.

К вопросу о том, какие перспективы открывают перед нами социальные науки, я вернусь (в главах 7 — 10) после того, как подробно рассмотрю некоторые из наиболее распространенных заблуждений социологов (в главах 2 — 6).